Борис РЯБУХИН

Атаман Алёна, или Русская Жанна Д'Арк

Сквозь толпу зевак и сыщиков, сочувствовавшего и клянувшего, каявшегося и паниковавшего люда, ограждённого рядом стрельцов, шла на Базарную площадь атаман Алёна — в мужском разорванном и прожжёном в пытках платье, впряжённая в телегу с травами и кореньями, берестяными заговорами и прелестными письмами.

«Колдунья!.. Колдунья!..» — кричали ей вслед.

Изредка Алёна останавливала взгляд на узнанном сотоварище в толпе, и он смятенно прятал лицо за спинами потупившихся мужиков и баб. Значит, ведают, что творят.

На волевом лбу старицы женская глубокая морщина резко перечёркнута мужской — в виде креста. Враги эту отметину называли чёртовой печатью, люди же православные — печатью Божией, поэтому и шли за ней на борьбу за справедливость и праведную веру.

Шла Алёна и думала свою нелёгкую думу — почто шла она в этот смертный путь?..

В грамоте Разрядного приказа 12 октября 1670 года говорится, что «вор и богоотступник Стенька Разин... пишет к незнающим и простым людям, будто он... идёт снизу рекою Волгою с сыном нашим государевым и с благоверным царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем... И по его воровским прелестным письмам незнающие люди пошатались и учали было в городах Алатыре и Арзамасском уезде воровать». И не только там, где водила крестьянские полки атаман Алёна. Восстание разлилось по всей полосе, занимавшей прежнюю Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую губернии, всё пространство между Окою и Волгой, на юг до Саратовских степей и на запад до Рязани и Воронежа было в огне. Помещичьи и вотчинные, монастырские, дворцовые и тягловые мужики убивали своих господ, приказчиков и начальных людей, устанавливая казачье самоуправление. На север от Симбирска, о который споткнулся Разин, поднялись инородцы — мордва, чуваши, черемисы — и сражались вместе с русскими крестьянами за лучшую долю. От мятежного факела донского бунта запылала по России крестьянская война.

Семитысячный отряд в Арзамасском уезде возглавляла старица Алёна, из местных крестьянок. Ей было в ту пору не более сорока лет. Волевая, умная, физически сильная — из тех, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Держать в узде многотысячный отряд отчаянных и своевольных людей без таких качеств невозможно. Не щадили своих недругов. Алатырский воевода Бутурлин с женою и детьми и дворяне заперлись в соборной церкви и в пожаре, бушевавшем в городе, сгорели заживо. Когда восставшие взяли город Ломов, воевода Пекин сбежал вместе с подъячим в исподнем белье. Бежал от Алёны и темниковский воевода Челищев, но брат его, племянник и подьячие были побиты разгневанными темниковцами.

Именно сюда и направил царь Алексей Михайлович главный удар по восставшим. Главнокомандующим всеми войсками назначил боярина, князя Ю.А.Долгорукого, опытного полководца, отличившегося в войне с Польшей, сурового и бесстрашного. Ставкой был Арзамас. Сюда собирались царские полки, отбивая по пути нападения повстанческих отрядов.

Арзамас называли город-сон. И право, до мятежа в нём было, как в болоте, — застой и тишина, с тоски помрёшь. Юрий Долгорукий навёл ужас на горожан показательными расправами над мятежниками. «Страшно было смотреть на Арзамас, — писал очевидец, — его предместья казались совершенным адом; стояли виселицы, и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов, валялись разбросанные головы и дымились свежею кровью; торчали колья, на которых мучались преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанные страдания...»

29 ноября 1670 года Юрий Долгорукий пошёл из Арзамаса к Темникову. В карательной операции участвовали Лихарев, Щербатов и сам главнокомандующий. Осада города притянула к себе почти все наличные царские войска. В городе засело 4 тысячи повстанцев, возглавляемых атаманом Алёной, а по дорогам спешили им на помощь ещё 8 тысяч мятежников. Несколько дней шёл бой. К тому времени в Темников прорвался разинский гонец с вестью, что князь Борятинский побил Разина под Симбирском, и донской атаман зовёт повстанцев к нему на помощь. Осаждённым подмоги ждать от главного атамана не приходилось. И 31 ноября Темников не устоял под напором царских войск.

Драгуны ворвались в город, окружили приказную избу в воеводском дворе, где засела со своими ближайшими соратниками Алёна-старица. Она билась на смерть. Силы были неравными. Атамана и попа-расстригу Савву схватили и бросили в темницу. Туда же попал и посланный от Разина донской казак Федька Сидоров.

Чтобы организовать покаяние темниковцев перед государем, царские лазутчики шныряли по дворам и науськивали народ выйти навстречу Долгорукому, ставка которого была недалеко от поверженного города. Спектакль удался.

Темниковцы открыли ворота, и вышли с образами и хоругвями, с воплем и плачем навстречу победителю. Впереди гнали скованных одной цепью Алёну и Савву, Федьку Сидорова и других зачинщиков бунта. Отдали пленников царским драгунам и попадали в снег на колени перед Долгоруким со слёзной просьбой «отпустить им вины перед государем», каялись в бунташном грехе. Долгорукий грозил им анафемой и всякими жуткими казнями, наконец, показав царскую грамоту, провозгласил зачинщиков изловить и привести на суд и казнь, а беглых крестьян выдать приставам для возвращения их владельцам.

Люди, не смея вспомнить, что на том же месте клялись Алёне стоять за истинную старую веру, вынуждены были клясться боярину впредь усердно блюсти собором освящённые новые обряды богослужения.

Долгорукий велел отслужить в церквах Темникова молебен в честь победы над бунтом и привести всех православных к кресту, а иноверцев — к шертованию на Коране.

Наутро 4 декабря под звон колоколов Долгорукий торжественно въехал в Темников на белом коне, за ним следовали конные драгуны и рейтары, и стрельцы, и на всём их пути в снегу на коленях без шапок стояли поверженные повстанцы, склонив головы в ожидании расправы. Возведённые за ночь виселицы по пути его следования уже гнулись под телами повешенных мятежников, среди них — поп Савва и Федька Сидоров. А старице Алёне уже строили сруб на Базарной площади...

В силу исключительности вины и личности преступника Долгорукий сам присутствовал при расспросе Алёны. Когда её ввели на допрос, она подняла вверх два пальца по обычаю староверов и бросила в лицо своим врагам: «Проклятье вам Господне, кровопийцы!». И столь же дерзко и стойко держалась, несмотря на угрозы и пытки.

Поначалу отказалась отвечать на вопросы дьяка и боярина. Но палач попался отменный: стегал её плетью, жёг раскалённым железом. Алена только молила Бога, чтобы помог ей стерпеть «жесточи пытки», дал силы принять мученичество, как принял Христос, распятый на кресте. Потом, превозмогая страдания, стала кричать на своих палачей: «Бес в аду помилосердней вас!.. Спалила бы ваши мохнатые рожи!..» Но плоть устала подчиняться сильному духу — и она стала давать скупые показания.

Алёна не стала выдавать своих единомышленников. О себе же сказала, что она — крестьянка из Арзамасской выездной дворцовой слободы. Каково жилось тем крестьянам? С детства они приучались переносить голод и стужу, рано отрывались от груди и кормились грубой пищей. Ребятишки бегали в одних рубашках без шапок, босиком по снегу в трескучие морозы. Простой народ не знал, что такое постель. Посты приучали к скудной пище из кореньев и дурной рыбы. Жили в темноте и дыму, с курами и телятами. Моровые поветрия и нервные болезни приписывали порче. Пять дней работали на господ и лишь один — на себя, не считая праздников. У многих ничего нельзя было сыскать в доме кроме овчинного тулупа, коровы да лошади, а были и победнее. Летом пахали, косили, жали, зимой молотили, рубили и пилили лес и дрова или скитались и просили милостыни. Смело бросила в лицо боярина измученная пытками Алёна: «Напились нашей крови, как клопы».

Она показала на расспросе, что была замужем. Но муж её надорвался, здоровьем был слабый, вот и скончался рано от чахотки. А вдовой бабе куда податься? Вдову-крестьянку помещик мог продать, кому вздумается. Бежать бесполезно — всё равно вернут владельцу, да ещё накажут нещадно. И Алёна ушла в монастырь под Арзамасом. Но кротости не было, да и в монастырской жизни царило много неправого. Она призналась, что хоть и стала старицей, но ушла из монастыря, так как в нём начали служить по новым книгам. И дьяк записал в расспросной ведомости: «Свершила самый тяжкий грех — сбежала из монастыря». И недобро посмеялся: «Поди, совращала блудом послушниц?» И получил отповедь. «Молитвами я укротила плоть, — усмехнулась Алёна. — Но попадись ты мне, — тебя бы я охолостила мигом!»

Общественное мнение подчёркивало мужские наклонности Алёны; её называли «баба-богатырь», «баба-атаман», пеняли, что носила мужское платье. А как в походной боевой жизни скакать на коне в длинной женской рубахе, которую носили поселянки?

Её считали ведьмой, потому что носила с собой заговорные письма и коренья. Она много ходила по окрестным полям и лесам за монастырём, собирала травы, которые знала от матери. Когда лечила старших послушниц и обращавшихся в монастырь мирян, все уважали Алену. Когда поднялась на войну за истинную православную веру, официальные власти заклеймили её колдуньей, еретичкой.

На расспросе Алёна призналась, что, как только дошли до Арзамаса слухи, будто Разин объявил войну боярам, она ушла из монастыря и стала собирать в округе отряд повстанцев. Приходили к ней те, кого она лечила от недугов, и приводили товарищей. Прослышав о продвижении её отряда, к ней примыкали многие люди из мордовских, татарских и русских деревень: людей разных верований сплотила жажда воли и справедливости.

В исторических источниках сохранилось подмётное письмо, которое писала она на бересте в соседние деревни:

... Встану я — благословлюсь,
Пойду — перекрещусь. За Русь святую,
За дело правое, на кровопивцей —
Бояр. Я пули не боюсь. Аминь!

Суеверие и сейчас считается противным Богу. Поэтому когда Алёна показала на расспросе, что лечила травами и заговорами, дьяк записал: «И портила людей многих по деревням бесовским колдовством». И когда царским слугам нужно было наказать Алёну за сопротивление государственной власти, то самым убедительным и главным обвинением посчитали её колдовство.

Великим грехом было бегство из монастыря. Но Алёне есть оправдание.

На Соборе 1666 года были утверждены поправки в церковные обряды и книги, сделанные по греческому чину патриархом Никоном. Ревнители старой православной веры восстали против нововведений: трёхперстия, многоголосия, византийского писания икон, изменённой редакции молитв... Раскольники отказывались ходить в церкви, разбегались по лесам, в скиты, в знак протеста прибегали к самосожжению, поднимали восстания против новых реформ в монастырях. Бунт в Соловецком монастыре начался до Степана Разина и был подавлен только через несколько лет после его казни. Взбунтовалась и старица Алёна.

Собор, созванный в год трёх шестёрок — числа дьявола — считали приходом конца света и Судного дня. На этом Соборе были прокляты староверы. И это вызвало ещё большее обострение движения раскольников. Староверы вливались в отряды Разина, одним из важных лозунгов которого было постоять за истинную православную веру, Дом Пресвятой Богородицы, против бояр и начальных людей. Вступая в города и сёла, донской атаман прогонял из церквей священников новой формации и ставил вместо них служителей старой веры.

Но путаницу, как бывает в смуту, ввёл в идеологическую борьбу сам Разин, сделав знаменем религиозной борьбы реформатора Никона, используя мотив его несправедливого смещения с патриаршего престола. Припёртые в споре бунтовщики, в том числе и Алёна, могли только огрызаться на укоры оппонентов. «Коль Никон — вам наставник, правый путь вам указал — зачем его изгнали? А если Никон — враг последний Богу и Богородице, и всем святым зачем вы держите его законы?» — отвечала Алёна на расспросе.

Староверы пеняли царю за церковные реформы, не менее чем Никону. Повторяли слова Аввакума: «Чёрт отнял ум у государя. Им владеет хамов род бояр и свора немчин. Бедный, бедный и безумный царишко! Что ты над собою сделал? Ну и пропадай!» И в то же время не представляли жизни без царя. Вот и придумали восставшие Нечая — царевича Алексея. Напрасно Долгорукий убеждал Алёну, что сам хоронил царевича Алексея Алексеевича в Москве. Она стояла на том, что царевич жив, сбежал от изменников-бояр, когда его хотели извести, как извели почти всю царскую семью.

Искушённый в допросах Долгорукий прибегал к ухищрениям и хитростям, призывая Алёну покаяться, спасти свою падшую душу. Но атаман была достаточно умна и опытна, чтобы попасться на лживые посулы боярина. «Спасёмся мы, когда загубим вас, — отвечала она и добавляла:— Не пожалею, что звала людей постоять за истинную веру и волю!»

Взявшись за оружие, Алёна понимала, что ей грозит казнь или смерть в бою. Но выбор сделала сознательно: чем так жить, лучше не жить вообще.

Алёна призналась, что посылала своих единомышленников небольшими отрядами в окрестные сёла и деревни.

Так, например, взяла боем Шацк. По казачьему обычаю, эти отряды возглавлялись донцами, которых привёл от Разина Федька Сидоров. Они внезапно налетали на усадьбы вотчинников и, сломив сопротивление охраны, устраивали круг. Если пленённые начальные люди были облихованы крестьянами, задыхавшимися от их притеснений и нужды, круг приговаривал кровопийцев к смертной казни и приводил приговор в исполнение. Суд был скорый, и зачастую правый. Пожитки и владения казнённых раздавали бедным людям. Холопов, чёрных людей, крестьян, мелких чинов служивых повстанцы «не губили и их дворов не разоряли». Хотя государевы слуги именно этой скорой расправой и стращали, подвигая жителей к бегству от повстанцев в леса из своих насиженных мест. Однако официальная пропаганда чаще всего терпела неудачу. И крестьяне, заслышав крики и стрельбу ворвавшихся на улицу посланцев Алёны-старицы, брались за колья и вилы и помогали изловить своих притеснителей и одолеть царских стрельцов охраны. Многие из стрельцов, большей частью выходцы из крестьян, и сами предавались повстанцам.

Сохранилось свидетельство Алёны о взятии Темникова повстанцами. Бой был недолгий. Зная о малолюдстве защиты и брожении черни в городе, воевода Василий Челищев сбежал, переодевшись в женское платье прислуги.

Чёрный люд открыл ворота и вытолкал своих обидчиков навстречу подступившему к городу отряду Алёны. Встретили её горожане хлебом-солью.

Алёна собрала круг. Всех облихованных начальных людей темниковцы приговорили к смертной казни и привели приговор в исполнение. Тех же, кто сдался на милость победителей, Алёна привела к вере. Темниковцы поклялись на кресте и Евангелии быть заодно и постоять за волю и истинную старую веру.

Алёна остановилась в доме темниковского воеводы и стала наводить мирской порядок по своему разумению. По казачьему обычаю, все дела решала на кругу из наиболее влиятельных местных жителей и своих единомышленников. Сообща решили раскрыть все купеческие склады и разделили хлебные запасы между семьями бедняков. При всём народе вынесли из приказной избы писцовые книги о недоимках, порвали и сожгли тут же, на Базарной площади. Ликованию бедноты не было конца! Алёна отстранила от службы в церкви протопопа Перфилия за то, что он предался нововведённой ереси, и поставила служить в храме попа-раскольника Савву.

От Федьки Сидорова Алёна узнала о победах разинцев, их намерениях и лозунгах. Не всё принимало крестьянское сердце Алены в помыслах и действиях донского атамана. Крестьянство по своим устоям отличалось от казачества. Но в борьбе за справедливость, против социальных притеснений, церковных реформ многие крестьяне были заодно с казаками. Волю они понимали по-разному, но враги у них были одни. Поэтому Алёна видела в Разине заступника.

Алёна прочитала на кругу войсковую память, которую привёз от Степана Разина казак Федька Сидоров:

— ...И стоять бы вам, черни всей, и русской, и татарской, и чувашской, и мордвы. Стоять бы вам за Пресвятую Богородицу и всех святых, за батюшку нашего патриарха Никона и великого князя царевича Нечая. И мстить бы вашим кровопивцам люто, — звучал торжественный голос Алёны над притихшей толпой. — Иду я войском давать вам волю. И вместе с вами истребить бояр и дворян и приказных людей служивых, и детей боярских и стрельцов, и торговых людей за измену. И хочу я так учинить, чтобы всякий был равен другому.

И мелкий начальный люд потихоньку ускользал из толпы в свои дворы, убоясь участи пленённых боярских и приказных людей, запертых в темниковской тюрьме.

Алёна сделала паузу и, повысив свой грубый простуженный в походах голос, продолжала читать свиток:

— А которые дворяне или боярские дети, или мурзы с нами похотят стоять за Пресвятую Богородицу нашу, тех бы не трогать и домов их не разорять. А с войсковой той памяти другим всем списывать и списки отдавать дьякам и старостам по деревням и сотникам, чтобы знали и читали.

Алёна подняла над толпой свиток и показала на печать.

— На памяти этой рукоположение Степана Тимофеевича Разина с печатью, — закончила она свою речь.

И поклялись ей темниковцы.

Алёна стала готовиться в поход на Арзамас. Но с ближних засек принесли вести, что под Темников подходят войска боярина Юрия Долгорукого. Да пушки у него застряли в снегах. Забили в сполошный колокол, собрали снова круг.

И Алёна, сообщив о тревожных вестях своих лазутчиков, предложила:

— Не будем ждать, когда недруги подтянут под наши стены свои пушки. Пойдём боярину Долгорукому навстречь! Постоим за волю и за веру.

Повстанцы воинственными криками одобрили призыв атамана Алёны. Стали собираться спешно в поход и готовить к обороне городские стены, которые сами же жгли, когда брали Темников приступом. Надо было запасти хлеба и воды на случай осады.

Алёна позвала с окрестных деревень всех, кто «похочет за правое дело сразиться». По ночам писала на бересте подмётные письма, больше похожие на заговор.

Грамоте она научилась в монастыре. А слог её в силу природного таланта был образным и внятным и поэтому вызывал скорый отклик в душе простого народа.

Морозным ноябрьским утром вывела Алёна-старица свой отряд из города и смело повела на бой с подступившим войском стольника Ивана Лихарева, посланного Долгоруким вперёд себя.

Драгуны Лихарева до этого разгромили уже несколько «воровских засек» и очистили от повстанцев много окрестных сёл и деревень. Они были хорошо обучены военному ремеслу по сравнению с плохо вооружёнными дружинниками Алёны. Повстанцы обычно если и одерживали верх над царскими солдатами, то скорее числом, чем умением. Многие гибли, но на их место приходили новые люди. Раненых Алёна сама лечила травами и заговорами. Казаков Федьки Сидорова — чтобы наладить бой по военной науке — в её отряде было мало, поэтому повстанцы из Темникова быстро были сломлены драгунами Лихарева и загнаны опять в город.

Укрывшись за крепостными стенами, повстанцы при поддержке темниковской черни двое суток сдерживали натиск царских войск. Неумолчно палили во врагов из пушек и пищалей. А когда кончились ядра — метали во врагов приготовленные заранее большие камни и брёвна.

— Оставил нас Господь за наши прегрешенья! — говорила своим сподвижникам атаман-Алёна, почувствовав скорое поражение.

И драгуны вломились в город.

Они крушили и рубили на своём пути всех, — и дружинников, и женщин, и детей. Выхватывали из горящих двое суток костров огненные головни и поджигали деревянные дома, не глядя на то, шла ли из них стрельба или нет.

Алёна с товарищами засела в приказной избе. Они отбивались от врагов, сколько было сил. В конце концов драгуны выбили двери воеводской избы и скрутили осаждённых.

На издевательскую шутку Долгорукого по поводу трусливого бегства Алёна воскликнула: «Да если бы так все сражались, боярин, тебе осталось бы спасаться бегством».

Не удалось царскому сыщику сломить Алёну пытками.

— Хочешь стать святой мученицей?— кричал он.— Не выйдет! Мы тебя сожжём, как грешницу, колдунью, еретичку!

На что старица нашла достойный ответ:

— Огонь очистит меня от грехов!

Когда распалённый палач стал прижигать железом ей обнажённую грудь, она вскрикнула:

— Господи, прими!.. — и упала, потеряв сознание.

Палач вытер крупный пот со лба, тяжело выдохнув:

— Фу, уморила! Однако, крепче мужика!..

...А на Базарной площади её уже заждался деревянный сруб, обложенный дровами. Темниковцев собрали утром на показательную казнь еретички. Когда Алёна появилась на площади, то подняла два пальца вверх и обратилась ко всем зычным голосом:

— Покайтесь перед Богом, христиане! Не предавайте Господа нашего в душе своей из страха перед пытками земными!

Но толпа, сдерживаемая цепью вооружённых стрельцов, не осмелилась откликнуться на её призыв. Только царские крикуны зашипели:

— Заткнись, колдунья!.. Будь ты проклята!.. Сама покайся!..

Долгорукий в окружении вооружённой свиты показал на стоявшую возле сруба на деревянных подмостках измождённую пытками в белой холщёвой рубахе Алёну-старицу, обратился к примолкшей толпе:

— Вот, христиане, дьяволова дочь, упорствующая в своих грехах. В неё вселился бес — и лишь огнём можно его изгнать из этой грешницы и еретички. Поэтому, по воле великого государя нашего, царя Алексея Михайловича, и святейшего патриарха Иосафа, я, данною мне властью, Алену-старицу из выездной дворцовой Арзамасской слободы назначаю совместно с чародейным её зельем... сжечь живою в срубе!

Толпа так и ахнула, будто не верила ещё в страшную казнь бывшей своей предводительницы. А вскинувшаяся от приговора Алёна вместо отчаяния нашла в душе силы ободрить своих земляков.

— Враг беды пришёл с напастями, — крикнула она. — Он воздвиг бурю огня и невозможно стало жить. Крепитесь, христиане, и молитесь! Держитесь истинной веры! Страшный суд грядёт! — Ей не дали договорить, толкая к срубу.

— Покайся, грешница! — совал ей в лицо распятие освобождённый из тюрьмы протопоп Перфилий.

— Убери эллинский крыж! — отвернулась Алёна. — Вы даже образ Бога замутили.

— Да сожжётся, не покаявшись в грехах как еретичка, без милосердия Божия! — махнул рукой Долгорукий.

Солдаты ссыпали в сруб травы и коренья с телеги, в которою ранее была впряжена Алёна, и палач пытался тащить её к срубу. Но она с силой оттолкнула его:

— Не тронь, я сама войду, — сказала и обратилась к толпе:

— Прощайте и простите, братья! Всё, что могла, я сделала. Бог с вами!

— Прости, что не уберегли тебя, Алёна! — прорвался вопль из толпы, кинувшейся к помосту. Но стрельцы преградили путь бердышами.

По старому русскому обычаю Алёна перекрестила лоб и грудь двуперстием и вошла в сруб. Дрова тут же подожгли. И пока поднималось пламя, сквозь шум ветра и хруст венцов доносились слова мужественной старицы-атамана...